

20 МАР. 1943г.

# Художник-мыслитель

ОДНАЖДЫ с фронта пришло письмо:

«Дошёл слух, что Асафьев вновь переключился на Игоря Глебова. Пусть не забывают — они друг друга. Пусть оба живут в одном лице. Я — бывший музыкант — воспитывался на книгах Игоря Глебова. После «Пламени Парижа» я приветствовал рождение композитора Асафьева...»

Точнее было бы сказать: возрождение. Ведь с композиторского творчества и началась деятельность этого выдающегося музыканта и мыслителя. Ещё в старом Петербурге за него с интересом наблюдали, его лично руководили Стасов, Балакирев, Римский-Корсаков, Лядов, Глазунов. Многие ленинградцы доныне помнят шумный успех первых «студенческих» опер: «Золушка» и «Снежная королева»...

Потом на какое-то время композитора Асафьева действительно заслонил писатель Игорь Глебов. В его статьях и книгах привлекали не столько блеск формы или острота суждений, сколько свежесть мысли, пронизательность и сочувствие творчеству, т. е. то, что всего более ценил Асафьев-Глебов.

— Всюду, в самой маленькой оценочной заметке, — говорит он, — должны быть мысль, цель, намерение, образ, отражение живой музыкальной действительности и противодействие всему косному!

Труды Игоря Глебова почитаются нынче почти классикой. По его книгам учится наша молодёжь. Под их влиянием складывается музыкальное мышление. А сейчас оба имени — Глебова — учёного, музыковеда, писателя, историка, философа и

Асафьева — композитора, за долгую жизнь создавшего громадное число сочинений, автора популярных балетов «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», — отлично известны всему культурному миру.

Великая отечественная война застала Асафьева в Ленинграде, в его родном городе.

Весь мир был тронут величием ленинградцев, сумевших сдержать бешеный натиск фашистского зверя. В летопись героической обороны Ленинграда советским художником Асафьевым вписана яркая и знаменательная страница.

...Жилище Бориса Владимировича Асафьева знали многие. Сюда входили не только знакомцы. В просторный кабинет, с полу до потолка заставленный книгами, рукописями, манускриптами, украшенный эскизами выдающихся русских живописцев, ходили, как в музей, как в библиотеку, для сиваков, советов, для серьёзной беседы.

Война нарушила мирное течение трудовых будней учёного и музыканта. Увы, родное жилище утратило былой уют. Для ленинградцев настали тяжёлые дни. Все тяготы блокады Асафьев мужественно делил наравне со всеми.

Было трудно. В доме поселился холод. Окочевевшие руки не могли дотронуться до клавишей рояля. Композитор полтора года не слышал музыки в живом звучании инструментов. Временами казалось, что силы сдают.

Волей, любовью к отчизне художник-гражданин победил немощь и вступил в борьбу: мысль, творчество не должны затихать и — тем более — молчать ни при каких невзгодах, обрушившихся на родину. Как бы ни была скромна его деятельность в огромных масштабах борьбы целого государства, она не смеет останавливаться!

У Асафьева был верный помощ-

ник: высочайшая дисциплина труда — привычка, усвоенная с детских лет.

В одной из книг он говорит о себе: «Если что твёрдо решить в области труда и потом ни на секунду не выпускать своей работы из поля сознания, не давать пощады себе, внимательно оценивая «каждый миг седянного», можно добиться максимума в пределах своих возможностей».

В трудной борьбе были страдания, лишения. Но были и великие радости. Согрели человеческая дружба, тёплое участие молодёжи. Навсегда памятным останется такой эпизод. В хмурое зимнее утро кто-то постучал в дверь. За дверью — тоненькая фигура комсомолки с саночками. На них — распиленные дрова для печки. Её никто не авал, эту девушку-подростка. Она сама пришла, когда узнала о себя в комсомоле, что у Асафьева нет дров...

В другой раз явился фронтник и протянул клочок бумаги: на нём были нацарапаны стихи. Под ними стояла подпись: капитан Масленников. Автор усердно просил сочинить из эти слова музыку для его части. Следующим утром «Марш связистов» был уже гордой собственностью взыскной части капитана Масленникова...

Крепкая дружба с фронтом — самое дорогое в воспоминаниях Асафьева о пережитом в Ленинграде. Всё мастерство, вдохновение, творчество щедро вкладывал композитор в музыку для фронта, настойчиво требовавшего от него то песни, то марша.

И вот итог двух неполных военных лет. В него веришь с трудом, ибо масштабы его воистину грандиозны. Война застала Асафьева за сочинением крупных музыкальных полотен: балеты «Снегурочка», «Граф Нулин», опера «Славянская красавица» по поэме Низамы, опера-монолог «Медный всадник», монтаж патриотических хоров из оперы «Минин и Пожарский», сим-

фония «Родина» — воспоминания о 1812 году, героический балет «Миллица» — повесть о борьбе юго-славянских партизан. Всё это автор сумел завершить.

Но это далеко не всё, что сочинил композитор в осаждённом Ленинграде. Здесь и песни о Балтике, и хоры на стихи русских классиков, и вокальный цикл «Город» (стихи Б. Четверикова) — о любимом Ленинграде, и серия оборонных песен на слова, присланные бойцами с фронта, и многое другое, чего не перечислишь, ибо опять-таки это не исчерпало бы всей деятельности неутомимого музыканта.

Перед нами ещё один итог. Он представлен Асафьевым-Глебовым. Автор коротко сформулировал: здесь всё, что передумано и перемыслено за последние десять лет.

Лишь перечень этих «мыслей и дум», вероятно, занял бы несколько страниц. Почти афористическая запись «передуманного» потребовала свыше ста печатных листов. Поражают в этом перечне множественность и глубина проблем. Поражают свежесть их трактовки, решимость и отвага, о каких-то автор «ревизует» старые, научные каноны. Нельзя не подивиться и многообразию литературных жанров — от научно-теоретических книг об основах русской гармонии, народном мелосе, музыкальной интонации до исторических монографий, до блестящей публицистики, до философских драм-диалогов и «музыкальных сказок Шехерезады».

Русской музыке, утверждению её самобытности, её правам и месту в истории мировой культуры, образом выдающихся русских композиторов посвящено большинство работ Асафьева-Глебова. И едва ли не самые заветные думы отдали трём столпам русской музыки — Глинке, Мусоргскому, Чайковскому.

В новом свете предстаёт творческая биография «великого предка

русской музыки» — Глинки. Полные блеска и меткости анализа страницы асафьевских работ посвящены разбору «русского музыкального богатырского эпоса» — «Руслана и Людмила» — и патристичнейшей из русских опер — «Ивану Сусанину», величию и монолитности идей русской государственности, воплощённых в этой опере.

В книгах-этюдах о Чайковском («Евгений Онегин», «Иоланта», «Щелкунчик») Асафьев раскрывает перед читателем и слушателем музыку Чайковского глубину нравственных и общечеловеческих проблем, положенных в основу этих произведений и обобщённых русским композитором в шекспировской силой и размахом.

Невозможно и из «писательского итога» Асафьева-Глебова извлечь в рамках статьи хотя бы короткий перечень. Это наследие войдёт в сокровищницу русской мысли как прекрасный и мужественный дар истинного патриота, художника и мыслителя.

Перед нами — последняя глава книги «Моя жизнь» (первая книга из обширного цикла «Мысли и дум»). Поучительны строки её послесловия:

«Эту свою книгу писал я в холодной комнате, где коченеют пальцы. Писал днями и ночами, порой при вздрагивании свечного огарка... Не горжусь я, что работаю в холодной комнате и пишу лежа в зимнем пальто, — ведь на фронте ещё тяжелее. Я горжусь, что копаю работу, написанную в течение шестого и седьмого месяца героической обороны осаждённого Ленинграда и что мне работаетея очень хорошо. Потому хорошо, что я убеждён, что моя родина докажет всему миру, какие в ней художественные ценности. Мне же страстно хочется дожить до тех великих дней великой всенародной радости!..»

Е. Канн.